

Т.А.Алексеева

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Споры о характере либерализма как политической идеологии продолжаются с момента его появления, тем более что сам либерализм не остается неизменным, постоянно развивается, дополняясь новыми положениями, темами и тезисами, затрагивая все более широкий круг вопросов. В современной России этот спор приобретает весьма радикальный характер: возможен ли либерализм в нашей стране в принципе или он для нас всего лишь экзотический западный «цветок», а точнее, какой именно либерализм у нас возможен и нам нужен? При этом большинство участников дискуссии, будь то его сторонники или противники, искренне полагают, что есть только один либерализм и именно он должен быть либо взят за образец, либо отвергнут. Между тем правильнее говорить о множестве либеральных политических идеологий, значительно отличающихся друг от друга как в историческом времени, так и географическом измерении.

Кризис, переживаемый сегодня российским обществом, на поверхности воспринимаемый как экономический и политический, в глубинной своей основе является кризисом мировоззренческим. Дело в том, что несмотря на либеральную риторику, реформаторы в нашей стране использовали лишь экономические либеральные модели. Они не смогли или не захотели предложить обществу либеральную программу как самостоятельную идеологию. Стоит ли поэтому удивляться, что для огромной массы народа понятие либерализма однозначно ассоциируется только с рекомендациями Международного Валютного Фонда и скачкообразным ростом цен. В действительности то, что мы получили – это очень странный либерализм, при котором не уважаются закон и право, личность и гражданская ответственность, т.е. нет генетического кода или каркаса, отличающего, собственно, либерализм от других идейных течений.

В сущности, не были переосмыслены принципиально важные для нового общественного устройства проблемы:

- отношения государства и человека. Вследствие этого государство по-прежнему воспринимается как некий отдельный от человека институт, с одной стороны, враждебный ему и несущий потенциальную угрозу, а с другой – имеющий по отношению к каждому человеку определенные обязательства. Не удивительно поэтому, что разговоры о «государственности» сплошь и рядом принимают характер заклинаний или обязательных клише без серьезного анализа проблемы;

- мотивация «общественного договора». Если какая-то видимость «общественного договора» и есть, то это скорее «сговор», до-

пускающий типичную русскую «вольницу» с сильным разбойничьим душком «внизу» и безответственностью в сочетании с коррумпированностью «наверху». Но это отнюдь не тот «общественный договор», о котором говорят либералы, т.е. договор между разумными и ответственными индивидами о делегировании части свободы государству с целью обеспечения безопасности;

– соотношение проблемы национального государства и демократии, что привело к сохранению квазиимперской структуры без интегрирующей идеологии, а отсюда вытекает не только невозможность распространения либеральной идеологии, но и возникает постоянная угроза распада страны.

Между тем успех реформ возможен только при объединении во круг позитивных ценностей, подкрепленных продуманной и последовательной стратегией их популяризации и воспитания человека в духе гражданской культуры.

¹ Сам термин «либерализм», впервые употребленный в 1811–1812 гг. в Испании, при характеристике новой конституции, происходит от слова «liberalis», что значит «свободный», «имеющий отношение к свободе».

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть либеральные ценности с точки зрения возможности их адаптации к российским условиям, принимая одновременно во внимание, что либерализм, как уже говорилось, – не единое догматизированное учение, а свободный творческий поток множества либерализмов, объединенных, главным образом, глубоким уважением к таким ценностям, как свобода человека, его автономия и служебная роль государства по отношению к личности¹.

Ценность свободы в классическом либерализме

Либерализм опирается на длительную традицию моральной и политической рефлексии и интерпретации смысла и значения политического опыта Запада в эпоху модерна. Пройдя сквозь множество идеологических битв, он сохранился и доказал верность многих положений.

Зарождение либерализма относится к XVII–XVIII вв., его истоки можно найти в трудах Дж.Локка, А.Смита, И.Канта, Ш.Монтескье и других великих политических мыслителей прошлого (хотя никто из них и не называл себя либералом). Однако как целостная политическая идеология либерализм смог утвердиться только в период становления среднего класса и широкого распространения предпринимательства. Либеральные партии долгое время не имели массового электората. Либерализм являлся отражением мощной интеллектуальной традиции, содержащей огромный адаптационный потенциал для многих обществ, вставших на путь демократизации и рыночной экономики, и именно поэтому он как бы «растаскивался» другими партиями, часто вовсе не считавшими себя либеральными. Таким образом, либерализм – это скорее идеологическая тенденция, нежели конкретная политическая программа.

Истоки либерализма следует искать в принципах естественного права, предполагавшего, что каждый человек обладает некоторыми неотчуждаемыми правами именно в силу того, что он человек. Такие положения мы находим в работах Локка – английского философа

XVII в. По Локку, политический порядок должен основываться на соблюдении прав человека, хотя из этого еще не вытекало право каждого на управление обществом. Однако, полагал Локк, если правительство игнорирует «естественные права» человека, то граждане имеют право его свергнуть. В концентрированном виде эти принципы изложены в Декларации независимости США 1776 г., где прямо сказано, что люди наделены Творцом незыблемыми правами, а именно: правом на жизнь, свободу и стремление к счастью. Из этого делался вывод, что правительство легитимно только тогда, когда все граждане наделены этими правами. Та же идея присутствует и в Декларации прав человека и гражданина во Франции.

² Локк Д. Соч. в 3-х т.
М., 1988.
Т. 3. С. 293.

«Там, где нет закона, нет и свободы», – писал Локк². Зависимость от чужой воли уничтожает человеческую свободу, зависимость от закона освобождает его. Разумеется, закон ограничивает волю человека, но одновременно делает каждого независимым от чужой воли. Таким образом, с самого начала прослеживалась тесная связь либерализма с правовым государством. Более того, либерализм исходит из принципа, что не всякое волеизъявление верховной власти является законом, а если сувереном является народ, то зависимость от воли всех не может быть законом. Только такое волеизъявление власти, которое делает человека более свободным, может считаться законом в полном смысле слова. Таким образом, не закон ограничивает свободу, а свобода закон. Из этого утверждения вытекает, во-первых, требование ограничения верховной власти; во-вторых, вывод о том, что если власть нарушает закон, то это самое настоящее беззаконие.

Таким образом, важнейшим условием существования современного общества, в соответствии с либеральной доктриной, является обеспечение как гражданских прав, так и политической свободы.

Через два поколения после Локка Ж.-Ж.Руссо сделал вывод о том, что понятия человека и его свободы тождественны. Человек становится человеком только в условиях свободы, поэтому нужно найти форму общежития, гарантирующую эту свободу. Необходимо установить политический порядок, при котором человек был бы так же свободен, как и в «естественном состоянии». Свобода – высшая ценность, но ее следует искать в совместном бытии, а не в бытии для себя. В этом заключается амбивалентность взглядов Руссо, отнюдь не умаляющая их значения для становления доктрины либерализма. Таким образом, из прав человека выводилась идея самоуправления. Если у всех людей есть равные права распоряжаться собой, то никто не может распоряжаться ими, а значит, власть должна основываться на согласии всех граждан.

Классический либерализм исходил из понятий индивидуальной свободы и разума, свободы собственности и частного предпринимательства. «Система частной собственности, – писал известный экономист Фридрих фон Хайек, – важнейшая гарантия свободы не только для владельцев собственности, но и для тех, у кого ее нет. Только бла-

годаря тому, что контроль над средствами производства распределен между множеством не зависящих друг от друга людей, никто не имеет над ним абсолютной власти, и мы сами можем решать, чем мы будем заниматься»³. Конечно, британские либералы начала XX в. и сторонники «нового курса» Ф.Рузвельта могли ратовать за усиление государственного вмешательства в жизнь общества, однако это вмешательство призвано было способствовать прежде всего индивидуальному развитию, поскольку никогда либерализм не рассматривал отдельного человека как подчиняющего личные интересы высшей государственной цели.

Акцент либералов на индивидуализме тесно связан с положением о том, что каждый человек изначально рационален. Человек почитается высшей ценностью, что предопределяется прежде всего рациональной способностью личности организовывать и нести ответственность за собственную жизнь. Рациональность людей делает общество, допускающее максимальную свободу для каждого, наиболее эффективным. Иными словами, либерализм – это такой подход к обществу, который предполагает, что именно рациональные индивиды должны процветать. Однако здесь согласие между представителями различных либеральных школ и течений заканчивается, поскольку они по-разному рассматривают форму общественной организации и используют разные аргументы в защиту своих взглядов.

Высказанные классиками либеральной политической теории идеи о правах и свободах, необходимости разделения властей, народном суверенитете сыграли важнейшую роль в формировании современного демократического государства. В политической сфере либеральный подход предполагает прежде всего равенство всех граждан перед законом, правовое государство, представительскую форму правления и парламентаризм.

Если сами либералы выделяли в либерализме, главным образом, стремление к всеобщему счастью, независимости и прогрессу каждого человека, то марксисты видели в нем прежде всего индивидуализм как форму отвлечения внимания от социально-классовых оснований власти. Но и сторонники, и противники либерализма признают, что он поддерживает такую форму организации общества, которая допускает и защищает индивидуальную свободу и развитие. «Единственная цель правомерного использования власти по отношению к какому-либо члену цивилизованного общества вопреки его воле – это предотвращение вреда для других... Единственная часть поведения кого-либо, когда он соотносит его с обществом, это та, которая касается других. В той части, которая касается его самого, его независимость правомерна и абсолютна. По отношению к самому себе, своему телу и разуму, индивид суверенен», – писал Дж.С.Милль еще в конце XIX в.⁴

В сущности, либерализм распространил нормативные принципы Современности (модерна) – индивидуализм и рационализм – на сферу политики. В этом смысле они означают возможность утвержде-

³ Фридман и Хайек
о свободе. Минск,
1990. С. 31.

⁴ Mill J.S. *On Liberty*.
Harmondsworth,
1982. P. 68–69.

ния только таких форм господства, которые могут устоять перед индивидуальным разумным суждением, т.е. постоянно соотносятся с рациональностью личности. Демократия, следовательно, есть форма правления, использующая эту рациональность для индивидуальной оценки. Если власть должна оправдывать себя перед индивидуальным разумным суждением, то это может быть власть по соглашению, т.е. власть, не установленная раз и навсегда, а постоянно находящаяся в процессе согласования своих действий с индивидуальной оценкой каждого гражданина, что открывает возможность ее быстрого реагирования на «вызовы» со стороны народа и тем самым ускоряет развитие всего общества. Народ – воображаемый суверен, его функция состоит в том, чтобы быть точкой отсчета для постоянных изменений положения тех, кто находится у власти. Правительственные полномочия даются на время, следовательно, в либерализме изначально заложена идея регулируемой нестабильности отношений власти и общества. Именно эта нестабильность и открывает возможности для динамичного развития (в то время как тоталитарные режимы всегда стремятся к стабилизации отношений власти и общества). Таким образом, индивидуализм и рационализм – это одновременно и предпосылки демократии, которую можно трактовать как эмансипацию человека, т.е. расширение пространства его свободы.

**Старые
и новые
либеральные
ценности**

Сопоставляя классический либерализм с современным, следует подчеркнуть, что последний с большей степенью определенности отдает приоритет именно ценности свободы, поскольку личная автономия приобрела за последние сто лет особое значение. Возможность самоопределения для каждого индивида, его способность действовать в качестве автономного морального агента (Кант), формирующего собственные представления о добре и зле и выстраивающего свою жизнь в соответствии с ними, – это то, что считается наиболее важным при регулировании общественных связей, и именно обеспечение этих возможностей, их превращение в образ жизни становится отличительной чертой либерально-демократических обществ.

Наибольший вклад в становление подобного подхода внесло широкое осознание того факта, что человек весьма ограничен в своих возможностях предписывать другому, как он должен жить, что такое хорошо, а что такое плохо. Если в годы становления либерализм был неотделим от страстной веры в человеческий разум, то сегодня он скорее руководствуется эпистемологической (познавательной) скромностью, чаще говорит об ограниченности человеческих возможностей повлиять на формирование будущего общества, реже восхищается будущими достижениями прогресса. Либеральные мыслители, конечно, признают, что с большей или меньшей определенностью мы можем сегодня судить о том, что такое «воля Бога» или «объективные законы истории», но они также вынесли хороший урок из многочисленных попыток сделать общественным установлением личные

взгляды одного, пусть даже самого великого человека. Долгий опыт терпимости научил их предполагать возможность ошибки или неверного истолкования, а также тому, что оптимальное решение достижимо только с учетом плюрализма мнений и при признании гетерогенности блага, к которому стремятся люди.

Крупный современный политолог Р.Дарендорф утверждает, например, что при обсуждении проблем разумно организованного общества необходимо исходить из двух допущений: во-первых, все люди несовершенны, а поэтому никто не может утверждать, что то, что хорошо для него, будет так же хорошо и для других; во-вторых, всегда есть множество вариантов решений общественных проблем. Из этого Дарендорф сделал вывод, что общество должно быть организовано таким образом, чтобы ни в коем случае не допускалось господство одной-единственной идеи, будь то идея всеобщего блага, справедливости или счастья всего человечества. Следовательно, общество не должно исключать альтернативные варианты решения каких-либо проблем, по крайней мере навсегда. Разумно организованное общество может успешно развиваться только на основе наличия конкурирующих вариантов решения задач. Именно это К.Поппер и понимал под «открытым обществом» как синонимом общества либерального.

В этом свете очевидно большое значение, которое современный либерализм придает разнообразию, множественности. Дело не только в привычке к присутствию других взглядов и представлений, но прежде всего в признании того, что подобная практика открывает многообещающие перспективы. Чем более последовательно она проводится в жизнь, тем большие возможности для процветания появляются у каждого члена общества. Как только человек отказывается от бесконечного повторения предшествующих практик, перед ним открывается множество путей для экспериментов и инноваций, помноженных на индивидуальные вкусы и склонности. Как следствие, жизнь становится более разнообразной и подвижной. Таким образом, подобный способ организации жизни становится целью сам по себе. Многие либеральные теоретики (Р.Дворкин, Б.Аккерман) считают это важнейшим историческим достижением либерализма.

Итак, современный либерализм представляет собой одну из наиболее влиятельных идеологий, воплощающих, по мнению Ф.Фукуямы, «триумф западной идеи в конце XX века», у которой «не осталось жизнеспособных альтернатив»⁵. Вся современную историю Запада Фукуяма предложил рассматривать как успешное движение либеральных капиталистических режимов по пути к индустриальному, технологическому и глобальному доминированию.

Однако, несмотря на все успехи либерализма, такая однозначная оценка вряд ли приемлема. Заявления подобного рода куда легче высказать, чем аргументированно защитить, особенно с философской точки зрения. В любой претензии на доктринальный универсализм всегда содержится некая аномалия, особенно это относится к идеоло-

⁵ Фукуяма Ф. *Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134.*

гии, считающей одной из важнейших своих ценностей терпимость к инакомыслию. В конечном счете либералам не к чему обращаться за подтверждением своей правоты кроме опыта Запада, пусть успешного, но весьма трудно переносимого в другие культуры и традиции, тем более что сегодня уже практически невозможно говорить о либерализме вообще, так как множество альтернативных взглядов, теорий и концепций, присутствующих внутри либеральной парадигмы, не всегда доброжелательно относятся друг к другу.

«Минимальное» государство

Либерализм сегодня представлен в двух основных видах: радикальном и умеренном, причем существует множество интерпретаций ключевых категорий и понятий обеих версий.

Радикальный либерализм крайне негативно относится к государству, видя в нем главную угрозу свободе человека, недооценивает государственное регулирование экономики, преувеличивает значение рыночных механизмов, а также меру независимости отдельной личности от общества. В своей крайней форме радикальный либерализм представлен либертариизмом, который, в свою очередь, можно разделить на две большие группы: либертариистов-прагматиков и принципиальных либертариистов.

Либертариисты-прагматики, высказываясь за «минимальное» государство, полагают, что ограничение его роли позволит не просто увеличить производство, но и сделать это с максимальной эффективностью. Государственное вмешательство в экономику, по их мнению, чревато стагнацией и угрозой самому существованию рыночной системы. Однако прагматики – отнюдь не сторонники свободного предпринимательства без всяких ограничений. Определенные рамки, считают они, необходимы, но это должны быть не искусственные препоны, создаваемые государством, а естественные границы, спонтанно возникающие в процессе социокультурной эволюции. Ограничения, включающие прежде всего отказ от присвоения чужой собственности (т.е. жесткое правовое регулирование отношений собственности и контроль над преступностью), а также контроль над выполнением взятых на себя обязательств (и со стороны государства, и со стороны граждан), воплощают в себе коллективный опыт множества поколений по разрешению конфликтов, обеспечивая преемственность традиций.

Принцип естественного отбора – выживание наиболее приспособленных социальных институтов – переносится либертариистами-прагматиками на историю человеческого общества. Такой отбор выдерживают лишь те системы правил (от религии и идеологии до способа организации производства), которые обеспечивают применяющим их группам наилучшие условия для выживания, т.е. наиболее высокий уровень жизни возможно большего числа людей.

В этом свете либертариисты-прагматики рассматривают и проблемы справедливости. Они полагают, что в принципе неверно связывать справедливость с распределением. Неправильно говорить, что

распределение может быть справедливым или несправедливым, так как речь идет только о действиях людей. Любой вариант распределения в принципе противоречит свободе.

Принципиальный либертаризм отличается от прагматического главным образом тем, что рассматривает права, защищаемые «минимальным» государством, как естественные. Права человека есть благо сами по себе, а не в силу каких-то случайных причин, причем наивысшее благо, которым нельзя пожертвовать во имя какой-либо цели. Так, Р.Нозик в знаменитой книге «Анархия, государство и утопия» ратует за идею «минимального» государства, отрицая любую теорию справедливости, поскольку даже самая либеральная из них обязательно предусматривает перераспределение богатства и предписывает определенную политику, следовательно, государство неизбежно будет постоянно нарушать права человека. В основе такой идеальной гипотетической модели капиталистического общества, по его мнению, лежит даже не принцип свободного предпринимательства, а «естественное состояние», как его трактовал Локк. Человек обладает формальной властью приобретения собственности, ее покупки и продажи, он может разбогатеть и разориться – все зависит только от него самого, от его способностей, усилий, везения, наконец. Государство со своей стороны может лишь обслуживать эту систему. Оно может предпринимать какие-то действия (наказание за совершение преступления или предотвращение мошенничества, убийства, ограбления и т.д.), но оно не имеет права облагать собственность налогами, конфисковывать ее ради помощи нуждающимся, организовывать общественные работы для преодоления безработицы. Бедные сами должны о себе позаботиться или рассчитывать только на милосердие.

Нозик предпочитает говорить о свободном соглашении сотрудничающих людей, придающих большее значение продуктивности, чем абсолютному равенству как основе справедливого распределения. Он принципиально возражает против налогового бремени, возлагаемого главным образом на наиболее состоятельные слои населения и средний класс с целью обеспечения всеобщего благосостояния и защиты обездоленных. Иными словами, приоритетными для Нозика являются производительность и экономический рост, а не социальная сфера. В этом смысле его идеи создавали философский фундамент для неоконсервативной политической практики и программ «рейганомики».

Хотя взгляды подобного типа отстаивала целая плеяда политических философов разных времен, начиная с А.Смита и кончая М.Фридманом, к 1990-м годам сторонников такого радикального взгляда на государство и общество осталось немного. Значительно большей популярностью пользуются умеренные либеральные теории. Тем более поразительно, что из всех версий либерализма именно либертаристская получила наибольшее признание в кругах российской либеральной интеллигенции, более того, она зачастую вообще воспринимается как единственно возможная.

Рассмотрим теперь другие варианты современного либерализма, в частности, ориентирующиеся на некоторое сближение его с социал-демократическими концепциями и теориями, которое стало особенно заметно в последние десятилетия.

**«Социальное
рыночное
государство»**

После окончания второй мировой войны наблюдался настоящий бум либерализма, вызванный «экономическим чудом» в целом ряде стран, а также впечатляющим подъемом уровня жизни многочисленных групп населения в тех государствах, где эта идеология определяла фундаментальные ценности. Постоянный рост потребления, высокий уровень занятости расценивались как важнейший элемент экономического прогресса. Общим местом, подчеркивал Дж.К.Гэлбрейт, стала необходимость учитывать мнение большинства, превратившаяся в экономическую и политическую необходимость. Для поддержания производства на нужном для общества уровне потребление должно было стать частью образа жизни.

Не меньшую эволюцию претерпело и отношение к социальным гарантиям. Благополучие гражданина начало восприниматься, в том числе и многими либералами, как его право (на работу, достойный уровень жизни, образование, здравоохранение и др.). Это уже не было просто стремлением избежать нищеты, как в начале XX в. Теперь государство рассматривалось как гарант того, что никто не будет отлучен от основополагающих благ и услуг. Рост налогов сопровождался распространением идеи о равенстве возможностей, что в конечном счете привело к осознанию необходимости гарантий определенного уровня жизни. Эволюция подходов объяснялась воздействием не только либеральной (от Р.Биверджа до М.Кейнса), но и социал-демократической идеологии.

Определенное идеологическое сближение с социал-демократами не означало отказа от либеральных ценностей. Возникновение и расширение «общественной сферы» (Д.Белл), связанное с экономическим планированием, социальными услугами, социальными гарантиями и т.п., безусловно, было немаловажным сдвигом в направлении коллективизма, однако оно всегда осуществлялось так, чтобы не бросать серьезного вызова частной экономической власти. Формировавшаяся экономическая система приобретала черты смешанной, но не вызывает сомнений ее подлинно капиталистический характер.

Все эти изменения происходили на фоне осознания последствий тоталитаризма и возрастающего значения гражданских и политических прав. Иными словами, в мире сформировался климат, в котором права человека воспринимались как данность и норма, необходимая составная часть любой политики, рассчитывающей на получение легитимности.

Таким же общим местом стала терпимость к инакомыслию, за которую всегда выступали либералы. Идеологические битвы потеряли остроту, а плюрализм стал одним из принципов, характеризующих де-

мократические общества. У них появились основания гордиться своей «открытостью», которая тоже стала восприниматься как данность.

Обозначенные взгляды получили теоретическое обоснование в трудах так называемых умеренных либералов, в целом признающих значение государства и необходимость государственного регулирования. Именно в государстве они видят гаранта свободы личности. Один из лозунгов либеральной идеологии – «меньше государства» – в интерпретации умеренных либералов звучит как «меньше неправового государства», иными словами, меньше властного произвола и бюрократических пут.

Они полагают, что без силы государства свободе человека угрожает не только экономический диктат монополий, но под сомнение ставится будущее страны. Ослабление государства означает, что финансовая, кредитная, налоговая и другие системы деформируются, наука, культура, образование, наиболее перспективные отрасли экономики, система безопасности и обороны начинают стагнировать, что, в свою очередь, ограничивает общественную свободу.

Именно умеренные либералы, выдвинувшие популярную в 60-е годы идею «государства всеобщего благоденствия», поддерживали в последние десятилетия теорию «социального рыночного государства». В качестве примера можно привести теорию справедливости крупного американского политического философа Дж.Роулса. Смысл его отношения к современной трактовке либерализма выражен в двух принципах справедливости. Во-первых, все люди обладают равными правами на максимально большую совокупность основных свобод. Во-вторых, социальное и экономическое неравенство (неизбежное в любом обществе) должно регулироваться государством таким образом, чтобы достигалась наибольшая выгода для самых неблагополучных, социальные институты должны быть открыты для всех при условии соблюдения принципа равенства возможностей. Вместе с тем, подчеркивает Роулс, благополучие не может быть обеспечено за счет свободы, которая всегда должна оставаться приоритетной по отношению к принципам, регулирующим экономическое и социальное положение граждан⁶.

Значение теории справедливости Роулса для развития современной либеральной политической философии состоит прежде всего в том, что ему удалось «перебросить мост» между «правым» либертариизмом и «левым» эгалитаризмом. Его задачей, однако, вовсе не было примирение противоречащих друг другу политических идеалов, он стремился разработать теорию справедливости, адекватную современной стадии развития капиталистического общества. Эта теория отличается от других вариантов осмысления «социального рыночного государства» прежде всего тем, что предлагает проект структуры общества, в котором индивидуальная свобода сочетается со справедливым распределением материальных благ. Иными словами, Роулс дает свое решение одной из самых острых и дискуссионных проблем американской и вообще западной демократии.

⁶ Алексеева Т.А. Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 26–52.

Не удивительно поэтому, что теория Роулса оказалась в эпицентре современных дискуссий по проблемам преодоления антиномии равенства и свободы. Учет требований эгалитаристов выразился в принятии правительством США разнообразных социальных программ, методов налогообложения, способствующих перераспределению благ хотя бы в отдельных общественных секторах, помощь некоторым социальным группам и др. Примечательно, однако, что сам Роулс отвергает радикальный эгалитаристский призыв к равному распределению, выдвигая в качестве альтернативы возможность определенного неравенства в получении экономических и социальных благ при одновременном устранении недостатков, с которыми не в состоянии справиться свободный рынок.

Роулс неоднократно подчеркивал, что его теория вовсе не претендует на универсальность. Для воплощения ее на практике необходимы, во-первых, высокоразвитая и эффективно работающая экономика, высокий уровень богатства в обществе; во-вторых, устойчивая и стабильная демократическая система, опирающаяся на твердый фундамент устоявшихся моральных традиций. Иными словами, при всей привлекательности теория Роулса не может быть прямо использована ни в большинстве стран «третьего мира», ни в государствах Восточной Европы, вставших на путь переустройства общества. Это важное предостережение тем сторонникам быстрого и некритичного усвоения теорий, рожденных в иных социальных условиях, которые готовы немедленно начать воплощать их в практику качественно отличного общества.

Еще один любопытный аспект развития современной либеральной мысли связан с так называемым коммунитаризмом. Коммунитаристское движение отстаивает прежде всего гражданские и моральные ценности, а также коллективизм общины как антипода государства. Коммунитаристы полагают, что улучшение морального климата в США в конечном счете приведет к снижению уровня государственного вмешательства в экономику, обеспечит большую сбалансированность прав и обязанностей без сползания в сторону авторитаризма. Интересно, что многие сторонники подобных взглядов с успехом используют марксистскую терминологию, хотя опираются прежде всего на аристотелевскую теорию справедливости.

При рассмотрении коммунитаризма возникает одна несомненно сложная проблема. Дело в том, что коммунитаризм как тип философского мышления нигде не встречается в открытом и конструктивном изложении. Критерием отнесения автора к группе коммунитаристов оказывается специфический тип критического анализа им других либеральных теорий, т.е. этот критерий носит как бы косвенный характер. М.Сэндел, один из теоретиков группы, так объяснил смысл коммунитаристской установки: «Когда либертаристы-либералы защищают экономику, основывающуюся на частной собственности, а эгалитаристы-либералы выступают за «государство всеобщего благоденствия», коммунитаристы

беспокоятся о концентрации власти и о корпоративной экономике в бюрократическом государстве, а также об эрозии тех промежуточных форм общества, которые временами поддерживали более живую общественную жизнь», т.е. о разрушении гражданского общества. И далее: «Коммунитаристы с большей вероятностью пойдут на запрет в городе магазинов, торгующих порнографией, на том основании, что порнография оскорбляет их представление об образе жизни и соответствующих ценностях». И отвечая на «классическое» либеральное возражение, что такой подход может открыть двери для нетерпимости и даже цензуры, Сэндэл говорит, что «нетерпимость процветает прежде всего там, где формы жизни деформированы, корни не глубоки, традиции не сформированы». Отсюда следует необходимость оказать немедленную поддержку «тем гражданским республиканским возможностям, которые воплощаются в нашей (американской – Т.А.) традиции, но исчезают в настоящее время»⁷. Очевидно, что под традициями понимаются прежде всего протестантская этика и идея всеобщего блага.

⁷ Sandel M. *Morality and Liberal Ideal // The New Republic*. 1984. 7. May. P. 17.

Если раньше идея разумно организованного общества выстраивалась философами этого направления на основе принципов коллективной собственности и равного доступа к политической власти, то сегодня представление о нем конструируется прежде всего на базе устоявшихся традиций, сложившегося образа жизни в рамках общины и самоидентификации человека через культурные обычаи и влияние среды. Например, в трудах коммунитаристов 60-х годов роль женщины в американской семье рассматривалась в контексте социального и экономического угнетения, а ныне (по крайней мере для Сэндела) именно семья служит моделью общества и выступает даже более важным компонентом блага, нежели справедливость. Для «шестидесятников» патриотизм был иррациональным чувством, блокирующим движение к всеобщему миру, а теперь, например, для такого теоретика коммунитаризма, как А.Макинтайр, патриотизм уже не менее рационален, чем универсалистские принципы справедливости. Прежде коммунитаристы видели в любых отклонениях от общепризнанной морали признак преодоления эксплуатации человека человеком, ныне они поддерживают усилия местных общин, выступающих за сохранение традиционного образа жизни и ценностей. Таким образом, несомненно, что с политической точки зрения коммунитаристская критика 80–90-х годов стала значительно более консервативной. Иными словами, коммунитаристы – это «бунтари-шестидесятники», обретшие с годами респектабельность.

На наш взгляд, именно коммуитаризм в его новейшей версии представляет определенный интерес для современных российских либералов. Он опирается на традиционные ценности, противопоставляет общество государству и потому, учитывая перспективу неизбежного разочарования в упованиях на государство в силу его слабости и бюрократической рутины, может иметь значительный демократический потенциал.

Национальное государство и демократизация

Еще один аспект проблемы – разрыв между процессами демократизации и строительства национального государства. Под национальным государством здесь понимается отнюдь не господство какой-то одной национальности, а единое политическое сообщество, опирающееся на нацию, как ее трактует либерализм, который не делает акцент на этническом происхождении (в отличие от широко распространенного в России понимания нации), а подразумевает социально- и культурногомогенную группу, обладающую легальной организацией и имеющую возможность самостоятельно участвовать в мировой политике и международных отношениях. Благодаря такому определению с большей легкостью воспринимается либеральный тезис о том, что национализм исторически начинался как движение против имперской государственности за национальное представительство, т.е. за соблюдение важнейшего демократического принципа. Иными словами, ранние националисты неотделимы от либералов. Н.Бердяев в «Философии насилия» писал о существовании двух типов национализма: творческого, созидающего, без которого вряд ли возможно построение сильного государства (либерального национализма), и разрушительного, деструктивного, замешанного на ненависти к «другому».

Таким образом, отнюдь не игнорируя всех опасностей национализма, особенно этнического, следует помнить и о том, что нации нередко вызывают любовь, причем жертвенную, бескорыстную, аффективную преданность, находящую свое выражение в патриотизме, придающем смысл жизни и смерти. Между тем, разрывая незримую связь между либерализмом и национальным строительством, российские сторонники этой идеологии практически сами отдают на откуп оппозиции важнейшую сторону человеческого существования. Так стоит ли удивляться, что порой последняя приобретает уродливые формы, прямо противоположные идеям свободы, равенства и демократии?

Между тем обстановка переходного периода создает благоприятные предпосылки для взаимодействия национализма и процессов демократизации. Дело в том, что демократизация обычно способствует возникновению синдрома слабой центральной власти, нестабильных внутренних коалиций и высокоэнергетичной массовой политики. «Управлять обществом, находящимся в процессе демократизации, – все равно, что вести машину одновременно нажимая на газ и на тормоз и при этом участвуя в драке с пассажирами за место у руля», – писал влиятельный американский журнал «Foreign Affairs»⁸. В этих условиях элиты пытаются найти средства, способные укрепить их позиции. Важнейшую роль здесь может сыграть расширение рынка идей. Одного плюрализма недостаточно, нужны еще идея любви к своей стране, стремление видеть ее великой и богатой. Патриотизм становится, как правило, тем «последним резервом», с помощью которого демократическое правительство удерживает власть или, наоборот, авторитарное эту власть перехватывает.

Таким образом, очевидна связь между демократизацией и национализмом (при том, что в современном мире процессы демокра-

⁸ *Foreign Affairs*.
1996. № 5. P. 38.

тизации обнаруживают некоторую тенденцию к замедлению, а национализма, наоборот). Несомненно также наличие связи между строительством демократического государства и созданием нации. Это взаимопересекающиеся, но в историческом плане вполне самостоятельные процессы. Связь между ними достигается благодаря легитимности государственной власти.

Заметим в этой связи, что многие современные либералы-теоретики предлагают снова вернуться к понятию «нация» и, возможно, несколько дополнить и видоизменить его. Они трактуют нацию как пламенный тигль, новое формальное выражение многосоставного общества. При таком понимании нация противостоит и этническому национализму, и нации как группе, обособленной границами и обладающей своими культурно-историческими традициями, общим языком и т.д. В этом случае предполагается признание культурного измерения национальности как ключевой силы, преодолевающей границы нации и государства и выходящей в более широкие геокультурные зоны – сообщества, которые в свою очередь могут существовать в более широком контексте цивилизаций. Не конкуренция, а солидарность, не столкновение цивилизаций (Хантингтон), а их взаимодополняемость, не «баланс сил», а взаимопомощь как «экзистенциал человеческого бытия» (Хайдеггер) должны стать чертами нового мирового порядка.

Однако прежде чем выйти в новую геокультурную или цивилизационную зону, нужно добиться внутренней консолидации. И здесь, по-видимому, целесообразно внимательнее отнестись к коммунитаристской парадигме, которая, в отличие от космополитической, отрицает идею человека как автономного морального агента, независимого от своего сообщества. С точки зрения коммунитаристов, человеческое «я» обретает себя только в конкретной группе социальных отношений. Только через членство в тесно связанном политическом сообществе индивид обретает смыслы и ценности, получает свои права. А это значит, что либерально-демократическое сообщество не может быть построено на одной только привязанности к западной цивилизации, в нее необходимо входить коллективным целым – нацией, дополненной национальным государством.

Возьмем, к примеру, работу М.Линда «Новый национализм», широко обсуждаемую в американской академической науке. Автор обосновывает один из вариантов концепции «золотого миллиарда» – введение «социальной рыночной экономики» в наиболее высокоразвитой части западного мира при «отгораживании» от остального человечества, якобы неспособного усвоить и применять на практике ценности либерализма. Однако условием реализации концепции «золотого миллиарда» Линд ставит предварительный переход к подлинно «национальной идеологии» США вместо существующего сегодня «мультикультурализма»⁹.

Таким образом, невозможно формирование либерального сообщества без предварительного создания сильной государственности,

⁹ Lind M. Prescriptions for a New National Democracy // Political Science Quarterly. 1995. Vol. 10. № 4. Winter. P. 563–586.

подкрепленной национальной приверженностью граждан с сильным патриотическим пафосом. Транснационализм приводит к возникновению «мягких» коррумпированных государств (термин Г.Мюрдаля, обозначающий страны «третьего мира») с компрадорской ориентацией, нестабильными режимами и большим потенциалом авторитарных переворотов.

* * *

Подводя итоги, подчеркнем, что при всех различиях между умеренным и радикальным либерализмом их объединяет нейтральное отношение к мировоззренческим вопросам. Многие современные либералы (в том числе Роулз и Нозик) полагают, что либерализм просто должен обеспечить необходимые условия для свободного диалога, а граждане сами решат, какой именно они хотят видеть свою страну. Речь идет именно о гражданах, а не подданных, т.е. людях, обладающих чувством собственного достоинства, высокой ответственностью, способностью к рациональному суждению и рассматривающих личную автономию как высшее благо. В формировании гражданина и заключается глубинный смысл либерализма как политической идеологии.

Либеральную, как и никакую другую, идеологию невозможно внедрить в общество «сверху», насильственным путем, но можно и нужно создать условия, необходимые для формирования и укрепления либеральных ценностей. Важными шагами в этом направлении могли бы быть следующие:

– обращение к более консервативной версии либерализма, возможно, коммунитаристского типа, сочетающего ценность свободы с традиционными ценностями данного общества, так как очевидно, что его либертаристская версия неадекватна российским условиям;

– разработка комплекса мер по соединению идеи нации как политического сообщества с либерально-демократическими реформами. Последние бывают успешными там, где они проводятся в соответствии с имеющимися реалиями, а не вопреки им. Простой перенос чуждых идеологических схем вызывает их мгновенное отторжение;

– изъятие мировоззренческих дискуссий типа «Куда идет Россия?» или «Что мы строим – капитализм или социализм?» из повседневной практики средств массовой информации (это должно быть делом профессионалов на разнообразных академических форумах) при одновременном широком общественном обсуждении конкретных политических вопросов (например, налоговой реформы). Так постепенно будет формироваться столь необходимый России «перекрестный консенсус» – множество точек совпадения разных идейных течений с либерализмом¹⁰.

Представляется, что нужно осознать и принять возможность рождения собственного российского либерализма, пусть мало похожего на западные аналоги, но имеющего с ними глубинное родство. В конце концов вариантов либерализма может быть не меньше, чем вариантов демократии и рынка.

¹⁰ См. подробнее об этом: Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. «Национальная идеология»: иллюзия или непонятая потребность? // Октябрь. 1997. № 1. С. 137–153.